

ЧТО ТАКОЕ ДИСКУРС ВЛАСТИ?

*Виктор Согомоян**

Любое новое исследование дискурса власти с самого начала наталкивается на две, казалось бы, взаимоисключающие проблемы.

Проблема первая: детальная исследованность темы и отсутствие, на первый взгляд, реальной возможности выявления новых, относительно значимых и характерных граней явления дискурса власти. Целый ряд именитых ученых (Р.Водак, П.Серио, Г.Лассуэлл, Т.А. ван Дейк, К.Хаккер, Н.Хомский, Т.Адорно, Г.Маркузе, Н.Луман, Р.Барт, В.Клемперер, Х. де Ландтшер, Ж.Бодрийяр, А.Клюковски, В.Уэллс, А.Харткок и многие другие), а также множество современных политологов и лингвистов исследовали предмет, что называется, вдоль и поперек. Приведу лишь неполный список наиболее детально изученных тем: дискурс нацистской власти (В.Клемперер), дискурс власти в США (Н.Хомский, Ж.Бодрийяр), советский политический дискурс (П.Серио, М.Кронгауз, А.Чудинов, Э.Будаев, А.Ворожбитова, Т.Балыхина), дискурс власти в условиях сетевой культуры (Г.Зверева), человек в дискурсе власти (Е.Хомич), дискурс демократической власти (В.Постол, А.Трахтенберг), дискурс политического постмодерна (Л.Фишман), дискурс российской власти/оппозиции и дискурс перестройки (Л.Тимофеева) и т.д.

В условиях быстро меняющегося мира и различных метаморфоз, происходящих с современной властью, эта проблема, однако, оказывается вполне решаемой. Современные исследователи с успехом продолжают изучение этого феномена, обращаясь либо к отдельным особенностям сегодняшнего дискурса власти (глобализация в дискурсе власти; благодарение независимости в дискурсе постсоветской власти; религия в дискурсе постсоветской власти; демократия в дискурсе власти среднеазиатских государств; дискурс

*Кандидат филологических наук.

президента Обамы и др.), либо прибегая к исследованию конституирующих дискурс единиц – концептов (концепт «свобода» в дискурсе власти; концепт «независимость» в дискурсе власти; власть как концепт и категория дискурса (одноименное исследование Е. Шейгал) и т.д.

Прежде чем обозначить вторую проблему, в двух словах обратимся к основному научному принципу, лежащему в основе этих трудов, а также уясним предмет их изучения.

Специалистам, знакомым с работами в этой области, наверняка не составит труда заметить, что так или иначе все работы по исследованию дискурса власти за редким исключением имеют частно-эмпирический характер в том плане, что принципом исследования в них практически всегда является анализ политических текстов, созданных конкретной властью с последующим выявлением в них грамматических, лексических, синтаксических или семантических особенностей языка этой конкретной власти и того эффекта, который может быть достигнут ими в плане политических целеположений. Обобщения в этих трудах чаще всего касаются либо лингвистики (в частности – прагматики) политических текстов и обращены к итоговому эффекту использованных в дискурсе власти возможностей языка (отсюда фактически наблюдаемое в современной науке автоматическое отождествление понятий «дискурс власти» и «манипуляция»), либо прикладной политологии, и обращены к выявлению характерности оперирования инструментарием языка представителями тех или иных политических режимов/политических групп в различных контекстах – исторического времени, политической ситуации, национальной принадлежности и т.д. Приведу два-три примера. «В 90-е годы язык («дискурс») власти обладал наивысшей пробой антисоветской чистоты. Для него были характерны: социал-дарвинистская риторика с полным отрицанием ценностей равенства и справедливости; жесткий евро-центризм и отрицание цивилизационного статуса России; разрушение исторической памяти и национального сознания; ненависть по отношению к любому честному труженику. Дискурс ельцинизма имел ярко выраженную уголовную компоненту»¹. Или: «Нацизм въедался в плоть и кровь масс через отдельные словечки, обороты речи, конструкции предло-

¹ *Кара-Мурза С.Г.*, Кого будем защищать? Дискурс власти и новый проект для России, <http://lib.rus.ec/b/189112/read>.

жений, вдалбливаемые в толпу миллионными повторениями и поглощаемые ею механически и бессознательно. <...> Но язык не только творит и мыслит за меня, он управляет также моими чувствами, он руководит всей моей душевной субстанцией, и тем сильнее, чем покорнее и бессознательнее я ему отдаюсь. А если образованный язык образован из ядовитых элементов или служит переносчиком ядовитых веществ? Слова могут уподобляться мизерным дозам мышьяка: их незаметно для себя проглатывают, они вроде бы не оказывают никакого действия, но через некоторое время отравление налицо. Если человек достаточно долго использует слово «фанатически», вместо того чтобы сказать «героически» или «доблестно», то он в конечном счете уверует, что фанатик – это просто доблестный герой и что без фанатизма героем стать нельзя. Слова «фанатизм» и «фанатический» не изобретены в Третьем рейхе, он только изменил их значение и за один день употреблял их чаще, чем другие эпохи за годы. Лишь незначительная часть слов *LTI* (*Lingva Tertii Imperii – B.C.*) отмечена оригинальным творчеством, а может быть, таких слов вообще нет. Во многом нацистский язык опирается на заимствования из других языков, остальное взято в основном из немецкого языка догитлеровского периода. Но он изменяет значения слов, частоту их употребления, он делает всеобщим достоянием то, что раньше было принадлежностью отдельных личностей или крошечных групп, он монополизирует для узкопартийного узуса то, что прежде было всеобщим достоянием, и все это – слова, группы слов, конструкции фраз – пропитывает своим ядом, ставит на службу своей ужасной системе, превращая речь в мощнейшее, предельно открытое и предельно скрытое средство вербовки¹. Или: «В революционной России политическая роль языка многократно возрастает, порождая новую догматику речи. Утверждение дискурса власти (советского новояза), осуществляющееся в послереволюционное десятилетие, зарегистрировано художественными текстами того времени. В них происходит мучительная смена языка, поиск новых магических формул-знаков, позволяющих приобщиться к власти. Слова на глазах теряют привычное значение, становятся метками социальной (т.е., в сущности, властной) принадлежности. Герои Ремизова («Взвихренная Русь»), Артема Веселого, Зощенко, Анд-

¹ Клемперер В., ЛТИ. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога, http://fictionbook.ru/author/klemperer_viktor/lti_yazyk_tretego_reyha_zapisnaya_knij/read_online.html?

рея Платонова, Бабея, Пильняка не столько называют вещи, сколько пытаются определить свой статус по отношению к ним - и к власти. В платоновском «Чевенгуре» председатель ревкома Чепурный обладает лишь смутным, безъязыким «революционным чутьем», а его секретарь Прокофий Дванов «умеет формулировать», и это умение дает ему – единственному – рычаги власти»¹ и т.д.

В целом, направление в этих исследованиях полностью обусловлено теми интерпретациями понятий «политический дискурс» и «дискурс власти», согласно которым это «особое использование языка <...> для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики» [1]. «Дискурс власти <...> есть практика руководства, контроля, манипуляции чувствами, поведением, мышлением людей при помощи тех или иных типов языковых действий» [2]. Этот подход наиболее полно представляет В.Чернявская в предисловии к своей монографии «Дискурс власти и власть дискурса» [3].

Таким образом и по сути, предметом изучения при данном подходе является не власть, а сам язык, который применяется той или иной конкретной властью и тем самым а) обретает удвоенный эффект в плане воздействия, манипулятивности, в силу уже не только собственных возможностей в сфере осуществления социальной власти (Блакар), но и по причине обретения им властного субъекта; б) становится лакмусовой бумагой некоторых политических качеств той или иной власти, так как преобразовывает способы использования возможностей языка в индикаторы для определения характера этой власти. По сути, это исследование дискурсивных практик власти, которые «с лингвистической точки зрения определяются устойчивыми наборами языковых средств вариативной интерпретации, свойственными данному политическому субъекту или характерными для обсуждения данного предмета. В этом смысле можно говорить о таких предметах политической лингвистики, как «дискурс Рейгана», «дискурс Горбачева», «тоталитарный дискурс», «дискурс безопасности», «дискурс свободы и справедливости», «парламентский дискурс». Иными словами, дискурс Рейгана – это совокупность дискурсивных

¹ *Медведев С., СССР: деконструкция текста (К 77-летию советского дискурса),*
<http://old.russ.ru:8080/antolog/inoe/medved.htm> (Дата посещения: 18.03.2010).

практик Р.Рейгана, проявляющихся в его политических выступлениях, интервью и т.д. Тоталитарный дискурс – это совокупность дискурсивных практик, характерных для политического языка тоталитарного общества, а дискурс безопасности – совокупность дискурсивных практик, встречающихся в дискуссиях о безопасности государства и формирующих эти дискуссии как часть политического дискурса в целом. Наиболее известные примеры дискурсов, на которых развивалась политическая лингвистика, – русский политический язык советской эпохи (*Lingua Sovietica*), дискурс Великой французской революции, политический язык «Третьего Рейха», «вьетнамский английский» в США в период вьетнамской войны»¹.

Научная целесообразность и эффективность такого подхода очевидна и доказана на практике. Множество научных трудов с использованием данного принципа принесли очевидную пользу в практической политике и по праву считаются золотыми страницами политической лингвистики и политологии.

Однако здесь и на фоне сказанного становится очевидным существование второй проблемы – это смутность или, по крайней мере, многоплановость представлений о явлении дискурса власти в более широком его смысле. Ознакомившись с массой литературы по политологии и политической лингвистике, можно прийти к более или менее ясному пониманию особенностей и характеристик различных властных дискурсов, точнее – дискурсов различных политических режимов, однако вопросы относительно явления *дискурса власти вообще*, т.е. власти как института, как правило игнорируются и остаются без ответов. Как это ни странно, но само понятие «дискурс власти» в его абсолютном понимании до сих пор нельзя считать определенным; этот факт отмечают многие современные исследователи. «Несмотря на то, что термин “дискурс власти” широко используется в постмодернистской литературе, до сих пор не существует его четкого определения. Видимо, это связано с тем, что его дефиниция считается самоочевидной», – пишет О. Данилова².

Кажется, что ключевой проблемой здесь действительно является самоочевидность дефиниции этого термина, которая, однако, даже при поверхностном анализе оказывается весьма сомнительной.

¹ Энциклопедия «Кругосвет», <http://www.krugosvet.ru>.

² Данилова О.Л. Социально-философский анализ дискурса власти: гендерный аспект. Диссертация, <http://www.dissercat.com/content/sotsialno-filosofskii-analiz-diskursa-vlasti-gendernyi-aspekt>.

Начнем с того, что «слово «дискурс» столь же популярно, сколько неопределенно» [4] и «в многообразии значений понятия «дискурс» очень трудно выявить базовое значение (этого) слова»¹, а тем более – в синтезированном употреблении со словом «власть». Можно ли здесь иметь в виду, что дискурс – это инструмент языковой коммуникации (Бенвенист) [5], и говоря о дискурсе власти речь идет о коммуникативном инструменте (инструментарии) власти? Или же что дискурс – это речь, вписанная в коммуникативную ситуацию и обусловленная социальным содержанием по сравнению с речью индивида, речь, «погруженная в жизнь» (Арутюнова) [6], и, следовательно, дискурс власти есть комплекс текстов «от власти», рассматриваемых в строгой привязке к актуальной для этих текстов коммуникативной и политической ситуации? Или же что дискурс – это актуально произнесенный текст (ван Дейк) [7], и дискурс власти следует понимать как некий набор озвученных властью текстов в различных – политологических, ситуативных, психологических и др. контекстах? Этот ряд безусловно соприкасающихся, но все же принципиально различных дефиниций понятия дискурса можно продолжать очень долго. Более того, в этом контексте актуализуются некоторые определения дискурса, в которых проводится прямое отождествление этого понятия с феноменом власти, что еще более усложняет конкретизацию возможного определения: дискурс уже сам по себе является средством и источником власти (Фуко) [8], дискурс есть власть социальных знаковых форм (Бодрийяр) [9] и т.п.

Кроме этого, при применении рассмотренного выше подхода термин «власть» в понятии «дискурс власти» всегда оказывается половинчатым, недостаточным, так как, исходя из особенностей «режимного» принципа исследования дискурса власти, требует обязательного уточнения характера этой власти – тоталитарная, демократическая и т.д. Вопрос гипотетически возможного существования некоего над-дискурса власти – дискурса «чистой власти» (*pouvoir per se*), власти как института, как бы автоматически игнорируется. Год за годом появляются новые исследования, которые предлагают новые «раздробления» института власти для изучения их дискурсов вкупе с принадлежащими им концептами (или особенностями употреблений и

¹ Романов А.А., К соотношению понятий «дискурс» vs «текст» в гуманитарной парадигме: обзор, оценка и размышления. Цитируется по сайту электронного научного журнала тверского Института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций «Мир лингвистики и коммуникации», http://tverlingua.by.ru/archive/001/01_6-001.htm.

значений «общих» концептов в этих дискурсах), однако суть объемлющего изучаемый предмет эпипоявления (Хомский) остается нераскрытой. Тогда как очевидно, что «тексты, высказывания и речевые акты при всей их важности составляют только часть подобных дискурсов (власти и политики – *В.С.*). Основная же их часть, смысловой стержень, образована волевыми интенциями и действиями, которые, безусловно, обладают смыслом, но далеко не всегда облакаются в слова, хотя, как правило, обретают конвенционально знаковую форму» [10]. В терминах Р.Карнапа, Г.Фреге и Ж.Пиаже, здесь фактически наблюдается постоянно процессирующая ассимиляция ограниченных в количестве по своей природе практических концептов без уяснения сути их экстенционала¹.

В этих условиях, как понятно, говорить всерьез о самоочевидности дефиниций понятия «дискурс власти» не имеет смысла. Редкие же определения дискурса власти, которые можно обнаружить в общедоступной библиотеке, можно отнести к разряду скорее философских, чем политологических (или лингвистических). Приведу для примера определение, введенное Ролланом Бартом в статье «Смерть автора – рождение читателя»: «Власть гнездится везде, даже в недрах того самого порыва к свободе, который жаждет ее искоренения: я называю дискурсом власти любой дискурс, рождающий чувство совершённого проступка и, следовательно, чувство виновности во всех, на кого этот дискурс направлен» [11].

Таким образом, можно констатировать, что понятие «дискурс власти» в наиболее широком смысле этого термина до сих пор остается неопределенным; в политологии и политической лингвистике его дефиниции как бы по умолчанию заменены дескрипциями характерных особенностей публичной деятельности власти в условиях разных политических режимов и степеней

¹ «Ребенок пытается схватить висящий предмет, ему это не удается, но он раскачивает его; тогда, весьма заинтересованный, ребенок продолжает ударять по нему, чтобы заставить качаться, и в результате всякий раз, когда он видит висящий предмет, он начинает толкать его и раскачивать. Этот акт, несомненно, свидетельствует о начале логического обобщения, или интеллекта, у ребенка. Основным феноменом на уровне этой логики действий является ассимиляция; ассимиляцией я называю интеграцию новых объектов или новых ситуаций и событий в предшествующие схемы; я называю схемой то, что является результатом обобщения, пример которого я только что привел выше. Эти схемы ассимиляции являются своего рода концептами, но концептами практическими. Они являются концептами в том смысле, что предполагают содержание понятия; концепты с содержанием понятия, следовательно, распространяются на качества и предикаты, но еще не имеют объема (экстенционала); иначе говоря, ребенок узнает висящий предмет, то есть производит акт опознания, но у него нет средства представить себе совокупность висящих предметов. А если нет еще экстенционала, значит, нет и припоминания, поскольку, для того чтобы прийти к представлению о совокупности предметов, обладающих одним и тем же качеством, необходима, естественно, способность к припоминанию, то есть к представлению тоже. Последнее позволяет осуществить символическая или семиотическая функция, которая возникает значительно позже и которая не дана с самого начала; этим и объясняется ограниченность практических концептов, которые я называю схемами ассимиляции» [13, с. 133].

манипулятивных возможностей языка в употреблении со стороны той или иной власти.

Тем временем очевидно, что преодоление данной проблемы может представлять достаточно серьезный научный интерес сразу в нескольких планах: а) в целом, в плане изучения природы института власти; б) в частности, в плане выявления и детального изучения некоего свойства института власти, присущего любой власти независимо от ее характера, момента истории, в котором она действовала, личности ее носителей и т.д.; в) в плане определения эпипоявления «дискурс власти» и, тем самым, создания экстенсионала, который объединит «режимные» дискурсы власти вкупе с конституирующими их или гипотетически используемые в них концепты. В этом контексте попытаемся вывести определение понятия «дискурс власти» с учетом обозначенных выше задач.

1. Прежде всего зафиксируем, что под термином «власть» здесь следует представлять политическую государственную власть в ее «чистом» виде, т.е. власть как политический институт. В полном соответствии с определением, введенным Александром Кожевым, здесь речь идет о «политической власти и власти государства, осуществляемой посредством того или тех, кто ее воплощает или представляет» [12]. В дальнейшем изложении материала актуальным будет считаться именно это, наиболее общее определение понятия «власти».

2. Теперь обратимся к уяснению термина «дискурс власти», уже имея в виду заданную выше конкретную дескрипцию термина «власть». Несколько забегаю вперед, отмечу, что с учетом специфики рассматриваемого феномена нам придется иметь дело сразу с двумя определениями понятия «дискурс власти», которые в итоге образуют прочное единство и, как кажется, в своей целостности отобразят всю полноту значения этого термина.

В первую очередь, вслед за представителями французской школы анализа дискурса (Серио, Пеше)¹, обозначим тот ракурс, в котором анализ дис-

¹ «Основной метод анализа дискурса имеет целью привести к позиционному единству рассеянное множество высказываний. При этом, анализ дискурса отличается от других дисциплин характером принципа, который кладется в основу этой перегруппировки. Для анализа дискурса действенным является не формальный критерий, в частности типологического порядка, но отношение к месту акта высказывания, позволяющее выявить то, что вслед за «археологией знания» Фуко получило название дискурсивной формации. Не проповеди как проповеди и не политические листовки как политические листовки интересуют анализ дискурса. В анализе дискурса исследуется совокупность проповедей или листовок в том смысле, в котором они указывают в социальном плане не определенную идентичность в процессе высказывания, исторически очерчиваемую. Чаще всего дискурсивная формация соответствует не одному-единственному жанру, а объединяет несколько жанров (листочки, манифесты, газетные статьи). Перегруппировка высказываний, производимая анализом дискурса, соответствует определенной концепции «точки зарождения» акта высказывания. Эта точка понимается не как субъективная форма, а как позиция, в которой, на уровне, интересующем анализ дискурса, субъекты высказывания могут быть взаимозаменяемыми» [15, с. 27].

курса (в любом его понимании в рамках феномена коммуникации) позволит выявить субъект дискурса с тем, чтобы иметь возможность констатировать институциональную незаменимость этого субъекта для данного типа дискурса (дискурсной формации). Иными словами, обозначить тот род коммуникативных действий, субъектом которого может быть только власть. Ведь, как отмечает Мишель Фуко, «описать высказывание – не означает анализировать отношения между автором высказывания и тем, что он сказал (или хотел сказать, или сказал, не желая); это означает определить, какова позиция, которую может и должен занять любой индивид, чтобы быть субъектом данного высказывания» [8].

В данном случае видится более чем очевидным, что:

а) указанным ракурсом должен стать политологический (в более узком плане – кратологический) ракурс, где определенные характеристики института власти укажут на то его свойство, которое предполагает обязательное совершение носителями власти неких коммуникативных актов, с условием, что эти коммуникативные акты не могут совершаться кем-либо, кроме носителей власти (или ее полномочных представителей);

б) таким свойством института власти безусловно является свойство обладания константной функцией управления государством и подвластными при помощи приказывания, публичного транслирования императива, без которой власть перестает быть властью в ее институциональном понимании, становится вещью-в-себе («Деятельность государства распределяется между властвующими и подчиненными; задача первых – давать распоряжения» [14]). Кажется, что, несмотря на свою категоричность, это утверждение не вызывает сомнений и не требует особых доказательств. Озвучивание приказов, адресованных всем подвластным, является единственной общей функцией для любой власти (от тирании до демократии), осуществление которой требует от ее носителей прямого или опосредованного вхождения в коммуникацию с подданными; подробнее об этом скажем в следующей главе.

Таким образом, можно утверждать, что любой дискурс, содержащий публичные приказы, адресованные всему сообществу подвластных/подданных отдельного государственного образования может принадлежать только власти как его институционально незаменимому субъекту.

2. «Дискурс – это коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушателем (наблюдающим и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие» [7]. Это определение дискурса, введенное Т.А. ван Дейком, кажется наиболее подходящим базисом для описания того понимания дискурса власти, которое заложено в основу данного исследования. А именно: *дискурс власти есть комплекс коммуникативных событий, происходящих между властью и подданными (подвластными) в процессе коммуникативной деятельности власти.*

Что нам дает такое определение?

а) В первую очередь, вводя это определение, мы получаем возможность унификации понятия «власть» в термине «дискурс власти». Здесь речь идет уже не о дискурсе какой-либо конкретной власти, характеризующейся тем или иным политическим режимом, а о дискурсе власти вообще, о коммуникативной деятельности власти как института. Автоматически здесь унифицируется содержание конститутов комплекса (как и всего комплекса в целом) коммуникативных событий, так как речь идет, повторяюсь, о любой власти, являющейся субъектом данного дискурса. Следовательно, имеется в виду некий общий для любой власти коммуникативный модус, который был бы характерен для института власти вне зависимости от момента истории, ее политологических определений, личности носителей и т.д. Существование такого общего и единственного в своем роде¹ модуса, повторяюсь — бесспорно: любая власть приказывает и, следовательно, будучи единственным образом коммуникативного действия, безусловно присущего любой власти, приказ является базовым содержанием комплекса этих коммуникативных событий.

б) Последнее обстоятельство, в свою очередь, раскрывает общий характер того дискурса, о котором идет речь. Можно утверждать, что *дискурс власти представляет собой совокупность актов публичного транслирования императива; комплекс коммуникативных актов различных видов², где иллюкутивной целью субъекта-власти является приказывание.*

¹ Отправление специальных властных ритуалов, на мой взгляд, является разновидностью транслирования императива; об этом будет подробнее сказано в следующих моих статьях на эту тему.

² Понятно, что коммуникативные акты приказывания имеют различные виды в соответствии с видами коммуникации – письменная речь, устная речь, язык жестов – визуализация.

Таким образом, перед нами раскрывается не только суть, но и структура рассматриваемого дискурса (это вербальный инструментарий приказывания – формы и виды приказа; аспект сочетаемости и механизм сочетания этих форм и видов в дискурсе; стиль оперирования формами и видами приказа в целостном коммуникативном процессе и др.), и появляется возможность выделить соответствующий этой структуре ряд направлений для исследования явления «дискурс власти». В первом приближении может показаться, что речь идет о чисто технических или технологических аспектах, недостойных научного изучения, однако это не так: исследование техники осуществления власти через коммуникацию может позволить уяснить многие вопросы относительно самой природы института власти, которые до сих пор остаются без ответов. А именно: что представляет из себя вербальный инструментарий транслирования императива, которым обладает власть; является ли этот инструментарий исключительно языковым или же существуют его внеязыковые формы [16]; что представляют из себя формы осуществления дискурса власти; существуют ли оформленные в процессе истории стили (концепции) оперирования инструментарием императива в целостном процессе коммуникативной деятельности власти и др.

в) Понятие *процесса коммуникативной деятельности власти*, которое фигурирует в первом приведенном определении и, казалось бы, указывает на некое обязательное или, по крайней мере, возможное разнообразие видов коммуникативных событий, тем не менее, не должно вызывать сомнений в истинности выводов, сделанных в предыдущих пунктах; хотя бы потому, что в данном определении речь идет, как было неоднократно отмечено, о любой власти. Этот аспект игнорировать нельзя, так как в обратном случае характер процесса коммуникативных действий власти будет вновь обусловлен политической конкретикой, в частности – дескрипциями того политического режима, в условиях которого действует та или иная власть. Понятно, что в любом демократическом государстве этот процесс действительно содержит множество разнообразных компонентов или коммуникативных событий, из которых лишь некоторые представляют собой транслирование императива. Понятие процесса введено в рассматриваемом определении лишь для того, чтобы указать на комплексность, целостность и периодич-

ность данных коммуникативных действий власти; подчеркнуть объем дискурса власти, представляющего собой не только отдельные коммуникативные события, отдельные акты приказывания, но и комплекс этих событий, происходящих между властью и подданными на всем протяжении деятельности власти.

г) Наконец, это определение позволяет отодвинуть на второй план (но, естественно, не игнорировать вообще) аспект прагматики и политического дейксиса, и исследовать «язык» власти без особого акцентирования и без гегемонизации манипулятивного плана. Предметом исследования здесь преимущественно становятся отношения власти и языка, а не отношения «языка власти» и его адресатов, хотя понятно, что отношения власть-язык а priori сформированы и продолжают формироваться исходя исключительно из потребностей, обоюдно возникающих в процессе отношения «язык власти» – подданные».

3. Общий контекст введенного выше определения дискурса власти и аспекта уникальной субъектности власти в этом дискурсе приводит к пониманию того, что власть является *единственным правомочным обладателем системы знаков*, при помощи которой и конструируется ее коммуникативная (и публичная в смысле обязательной направленности вовне) деятельность (или дискурс) по поступательно организованной схеме конструирования коммуникации *знак-язык-коммуникативный акт*.

Факт существования такой специальной системы знаков власти общеизвестен. Любой индивид, о котором говорил Фуко, став носителем политической государственной власти, обретает в качестве субъекта систему знаков-символов или знаков-оповещений (Гуссерль), которые очевидно являются конститутами гипотетического дискурса власти: место пребывания (город-столица, дворец, дом, адрес, трон, кабинет), символику (флаги, геральдика, инсигнии и т.д.), специальные пространства для вхождения в коммуникацию с подданными (балконы дворцов, площади, залы, кабинеты, государственные масс-медиа и т.п.), специальные коммуникативные формы-фреймы (указ, приказ, распоряжение, выступление, обращение, государственный ритуал) и т.д. Это знаки-оповещения тем или иным образом непосредственно участвуют в конструировании дискурса власти и несут в себе

определенную (кстати – императивную по своей природе) информацию еще до обращения к непосредственным смыслам текстов этого дискурса¹, так как: а) являются характерными «свойствами», присущими субъекту-власти и позволяют подвластным распознать не только физическую актуализацию носителей власти, но и предугадать род предстоящего публичного коммуникативного акта, так как обладают «некоторой наперед заданной информацией» [17] (например, выступающий с балкона своего дворца монарх в данном государстве как правило объявляет о всеобщей амнистии); б) имеют константный коммуникативный код в пределах всего акта коммуникации (экзистенция и легитимность власти в данном государстве; публичное действие носителя власти; важное событие в государстве; информация, которой необходимо обладать и т.д.)².

При этом следует понимать, что полноправное и полномочное обладание системой этих знаков, как и способность их использования в процессе властвования является не только насущной необходимостью для любой власти, но и ее институциональной обязанностью, служит подтверждением ее экзистенции и легитимности. Для наглядности сказанного здесь лучше всего вспомнить фильм Тома Хупера «Король говорит!» (2010г.), где смысл и интрига сюжета сводится не к тому, *как* говорить королю, какие слова и выражения ему употреблять в обращении к нации в связи с началом нацистской агрессии, а к тому, чтобы ему суметь *говорить вообще*, так как король *должен говорить* в тяжелую для своего государства минуту. При этом, что симптоматично, ни у создателей картины, ни, как можно подразумевать, у зрителей, не возникает вопросов по поводу причины, по которой король обязательно должен выступать лично и не может довольствоваться распространением письменного обращения к нации – это конвенционально закрепленный образ действия правителя (хоть и формального в данном случае); смысл же самого текста вкупе с методами и способами использования в нем тех или иных возможностей языка как бы автоматически отодвигается на второй план.

¹ «Политический язык и есть политическая реальность. Язык является интегральным элементом политической сцены – не просто инструментом для описания событий, но и частью событий, оказывающей сильное воздействие на формирование их значения, содействуя оформлению политических ролей, которые признают и политические деятели, и общество в целом» [18, р. 5].

² Здесь следует отметить, что в контекст константного коммуникативного кода в данном случае входит и аспект исторического «опыта-о-власти», в рамках которого то или иное действие носителя власти отождествляется как минимум по своей форме с действиями правителей – исторических персонажей (Сталин как новый Александр Невский, Барак Обама как новый Франклин Рузвельт и т.д.).

В контексте сказанного становится возможным введение второго определения понятия «дискурс власти», а именно: *дискурс власти – это процесс коммуникативной актуализации конвенционально закрепленных и обладающих императивной интенцией смыслов, явлений, идей и идеологий, порождаемых системой специальных знаков-оповещений «языка» власти*; системой, неотъемлемо принадлежащей институту власти как субъекту императивной коммуникации, вне пределов которой не могут происходить реальные и легитимные коммуникативные события между властью и ее подданными¹.

Таким образом, вместе с выведением этого второго определения, перед нами вырисовываются два конституата, образующих феномен «дискурса власти». Один из них, как видим, принадлежит лексике и семантике и выявляет существование некоего универсума смыслов в текстах власти, обозначающих направленный к сообществу подвластных императив (в его различных видах), другой же очевидно принадлежит семиотике и выявляет существование относительно констатной системы знаков «языка» института власти, конвенционально обладающей императивной интенцией. При этом, второй конституат, как бы обрамляя целостный дискурс власти и являясь его незаменимой формой, тем не менее, не является самодостаточным, как может показаться с первого взгляда, так как очевидно требует наполнения в семантическом плане со стороны первого для обретения «права» называться «дискурсом института власти» в полной мере.

В то же время, в контексте обозначенных выше задач, выявление семиотического аспекта как необходимого конституата рассматриваемого дискурса кажется наиболее важным. Именно игнорирование этого аспекта, на мой взгляд, стало результатом описанного ранее положения дел в изучении дискурса власти. Как отмечает Михаил Ильин, чтобы понять и проанализировать дискурсы целедостижения, в том числе – и дискурс власти, недостаточно работать только со словами и словесностью в ее различных формах. Для этого «требуется создание особой политической семиотики власти» [10]. «Семиотика... <тот> аспект человеческого существования, который вполне самостоятелен по отношению и к политике, и к языку, но который определяет их – и не только их – важные стороны, включая онтологии. При этом ни политика, ни

¹ Не случайно, что захват власти по сути представляет из себя насильственное овладение именно системой этих знаков, как и правом их использования.

язык не превращаются в эпифеномены семиотики. Они сохраняют и свою специфику, и свои онтологии. Семиотика, однако, способна выступать как инстанция высшего порядка, через своего рода «редукцию» к которой, а отнюдь не непосредственно, политика и язык образуют тесную взаимную сопряженность. <...> Любые нормативные интерпретации политики, любые описания политических фактов или эмпирические сопоставления явлений являются лишь ограниченными фрагментами политической действительности. Чтобы сложить это осколки в некое подобие мозаики, а тем более, чтобы придать им некий обобщенный смысл и единство, необходимо выявить как общую логику биоинтеллектуального моделирования (семиотическую систему политики), так и совокупность процессов такого моделирования внутри отдельных политических «миров». Семиотика придает целостность и интегральность политике и другим сферам человеческой действительности в силу того, что она не лежит в одной плоскости – рядом и параллельно – с политической, экономической и прочими подобными науками, а пронизывает и тем самым соединяет их», – отмечает М.Ильин [10].

4. Выведение общего определения дискурса института власти, которое в достаточной мере отобразило бы как лексико-семантическую, так и семиотическую составляющую феномена «дискурс власти», указывая при этом на онтологическое единство этих составляющих в формировании самого феномена, не представляет особого труда. *Дискурс института власти – это комплекс совершаемых носителями власти публичных коммуникативных актов императивного характера при помощи знаков «обычного» языка и специальной системы знаков «языка» власти.* Такое определение, особенно в контексте вышесказанного, как кажется, должно быть абсолютно и понятным, и удобным. Во-первых, оно позволяет выделить ряд видов коммуникативных актов, входящих в комплекс императивных коммуникативных актов (и составляющих его), которые в обязательном порядке совершаются любой властью и, таким образом, являются неотъемлемой частью природы института власти. Это все разнообразие жанров приказывания – от устного публичного выступления носителя власти до распространения письменных указов. Во-вторых, это определение представляет из себя именно то понимание дискурса власти, которое может служить экстенсионалом для всех «режимных»

дискурсов: будь власть тоталитарная, авторитарная или демократическая, она, тем не менее, использует виды-конституты указанного комплекса – публикует письменные указы и распоряжения, носители власти выступают с обращениями, используют жанр выступления и т.д. Изучение в семиотическом разрезе общих особенностей этих видов-конститутов дискурса власти и выявление их характеристик вкупе с присущими им суперсегментными конвенциональными значениями и смыслами, очевидно, может существенным образом изменить качество семантически направленных «режимных» исследований дискурса власти. В-третьих, это определение указывает на существование отдельных направлений в исследовании дискурса института власти, как то: обозначение и изучение семиологического плана видов-конститутов указанного комплекса коммуникативных актов (указы, приказы, распоряжения, выступления, обращения, брифинги, пресс-конференции, встречи и др.); анализ их генезиса вкупе с изучением их трансформации в процессе истории; выявление и изучение типологии и характерных особенностей этих конститутов в соответствии с формой и видом осуществления (письменные приказы, устные приказы, прямые приказы, латентные приказы и др.); изучение взаимосвязи форм и видов осуществления; исследование проблем, связанных со стилем (концепцией) построения дискурса власти в соответствии с показателями частотности/приоритетности использования тех или иных конститутов в дискурсе власти; а также выявление и изучение пространств транслирования властного императива.

Наконец, в-четвертых, это определение вводит в качестве обязательного условия совершения коммуникативных актов императивного характера аспект *публичности*. Несмотря на кажущуюся эпизодичность и очевидность наличия этого аспекта в данном определении, его акцентирование является весьма существенным для придания какой бы то ни было работе по исследованию дискурса власти преимущественно политологического характера. Ведь термин «дискурс» так или иначе, тем или иным образом, но все же усиливает лингвистическую направленность или лингвистический акцент в соответствующих исследованиях. Тогда как изучение «дискурса власти» в том его понимании, которое было изложено на предыдущих страницах, все же предполагает акцентирование политологического аспекта: предметом

изучения здесь является сам институт власти в одном из своих неизбежных состояний¹, в момент институционально необходимого оперирования языком – *власть-в-публичности*.

Поэтому здесь видится наиболее правильным ввести второе название для рассматриваемого феномена «дискурс власти» – *публичность власти*. Есть все основания полагать, что это название, сохраняя почти что полное дескриптивное тождество с понятием «дискурс власти», позволит не только в формальном плане решить вопрос «чистоты» политологического термина, но и максимально расширить круг исследования предмета и включить в него все аспекты взаимоотношений института власти не только с языком, но и системой публичной коммуникации в целом.

Ноябрь, 2011г.

Источники и литература

1. *Степанов Ю.С.*, Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. – М.: РГГУ, 1995. – 432 с.
2. *Черепанова С.А.*, Философия образования и дискурс власти // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 23 (62). – М., 2010, № 2. – 210 с.
3. *Чернявская В.Е.*, Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. Учебное пособие. – М.: Наука, Флинта, 2006. – 136 с.
4. *Русакова О.Ф., Спасский А.Е.*, Дискурсология как новая дисциплина. // Современные теории дискурса. – Екатеринбург: Дискурс Пи, 2006. – 210 с.
5. *Бенвенист Э.*, Общая лингвистика. – М.: Наука, 1974. – 448 с.
6. *Арутюнова Н.Д.*, Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 2000. – 715с.
7. *Дейк Т. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. – М.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 1989. – 308с.

¹ Любопытна одна из художественных аллегорий власти, предложенных Элиасом Канетти, где автор особо подчеркивает неизбежность состояния публичности для власти: «Дирижер стоит. Вертикальное положение человека, как старое воспоминание, все еще сохраняется во многих изображениях власти. Он стоит в одиночестве. Вокруг сидит оркестр, за спиной сидят зрители, и он один стоящий во всем зале. Он – на возвышении, видимый спереди и сзади. Оркестр впереди и слушатели позади подчиняются его движениям. Собственно приказание отдаются движением руки или руки и палочки. Едва заметным мановением он пробуждает к жизни звук или заставляет его умолкнуть. Он властен над жизнью и смертью звуков. Давно умерший звук воскресает по его приказу. Разнообразие инструментов – как разнообразие людей. Оркестр – собрание всех их важных типов. Их готовность слушаться помогает дирижеру превратить их в одно целое, которое он затем выставляет на всеобщее обозрение. Работа, которую он исполняет, чрезвычайно сложна и требует от него постоянной осторожности. Стремительность и самообладание – его главные качества. На нарушителя он обрушивается с быстротой молнии. Закон всегда у него под рукой в виде партитуры. У других она тоже имеется, и они могут контролировать исполнение, но только он один определяет ошибки и вершит суд, не сходя с места. Тот факт, что это происходит публично и предельно открыто, наполняет дирижеру самоощущением особого рода. Он привыкает к тому, что всегда на виду, и избежать этого невозможно» [16, с. 362].

8. *Фуко М.*, Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
9. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. – М.: Рудомино, 2001. – 172 с.
10. *Ильин М.В.*, Политический дискурс как предмет анализа. // Журнал «Политическая наука», #3, М.: 2002, сс. 7-19.
11. *Барт Р.*, Нулевая степень письма. – М.: Академический проект, 2008. – 432с.
12. *Кожев А.*, Понятие власти. – М.: Праксис, 2007. – 192 с.
13. *Пиаже Ж.*, Схемы действия и усвоения языка. // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – 636 с.
14. *Аристотель*, Политика. – М.: АСТ, 2002. – 496 с.
15. *Серио П.*, Как читают тексты во Франции. // Квадратура смысла. – М.: ИГ Прогресс, 1999. – 416 с.
16. *Канетти Э.*, Масса и власть. – М.: Ad marginem, 1997. – 325 с.
17. *Логман Ю.М.*, Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры). // *Логман Ю.М.*, Семиосфера. – С.-Пб.: Искусство – СПб, 2000, сс. 172-189.
18. *Edelman M.*, The Symbolic Uses of Politics. – Urbana: University of Illinois Press, 1964. – 164 p.

WHAT IS DISCOURSE OF POWER?

Viktor Soghomonyan

Resume

Concept of “discourse of power” in the broader sense of the term has not been defined so far. In the political science and political linguistics, its definitions were by default replaced with descriptions of characteristics of publicity of authorities in various political regimes and degrees of manipulative capacities of language used by this or that power.

Meanwhile, it is obvious that the solution of the problem may be of rather serious scientific interest in several respects at the same time - a) generally, in terms of studying the nature of the institute of power; b) particularly in terms of finding out and scrupulously studying some features of the institute of power peculiar to any power regardless of its character, the moment of history it existed, personality of its holders and etc; c) while defining the epi-phenomenon of “discourse of power” and thus setting an extensional which would unite “regime” discourses of power together with the concepts constituting them or hypothetically used in them.